

М.В. Лескинен (Москва, Россия)

Конференция «Антропоморфные и зооморфные репрезентации наций и государств в славянском культурном дискурсе»

Аннотация: Обзор научной конференции «Антропоморфные и зооморфные репрезентации наций и государств в славянском культурном дискурсе», состоявшейся 24 сентября 2019 г. в Институте славяноведения РАН (Москва).

Ключевые слова: имагология, славянская культура, национальная идентичность, визуальные этнокультурные стереотипы, антропоморфные репрезентации наций, зооморфные репрезентации наций

М. Leskinen (Moscow, Russia)

The Conference “Anthropomorphic and Zoomorphic Representations of Nations and States in the Slavic Cultural Discourse”

Abstract: Review of the conference “Anthropomorphic and Zoomorphic Representations of Nations and States in the Slavic Cultural Discourse”, which took place on September 24th, 2019 in Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

Key words: Imagology, Slavic culture, nation identity, visual ethnic and cultural stereotypes, anthropomorphic representations of nations, zoomorphic representations of nations

24 сентября 2019 г. в Институте славяноведения РАН прошла конференция «Антропоморфные и зооморфные репрезентации наций и государств в славянском культурном дискурсе»¹. Ее организаторы – доктор филологических наук Е.А. Яблоков, доктор исторических наук М.В. Лескинен и кандидат филологических наук А.Н. Красовец.

Материал конференции – антропоморфные и зооморфные этнорепрезентации в славянских культурах XVIII–XXI вв. Главная цель – реконструкция механизмов формирования и эволюции обобщенных образов народов («своих» и «других») на широком материале и методами различных дисциплин, детализация процес-

¹ Программа и тезисы докладов конференции опубликованы на сайте Института славяноведения РАН (<https://inslav.ru/conference/24-sentyabrya-2019-g-antropomorfnye-i-zoomorfnye-reprezentatsii-naciy-i-gosudarstv-v>). Предполагается издание сборника статей ее участников.

са формирования национальных «воображаемых сообществ». Известно, что аллегорические антропоморфные и зооморфные фигуры / персонификации народов / наций играют ключевую роль в формировании представлений и стереотипов народного / массового сознания, выполняют важную функцию сплочения этнокультурной общности, наделяя ее чертами легко узнаваемого типа, ассоциирующегося с идеей единства нации. В подобных воплощениях находят отражение национальная идея и национальная мифология.

Антропо- и зооморфные репрезентации представлены в вербальных описаниях и визуальных образах. Их ключевая культурная функция – в ясном и схематичном виде реализовать главные признаки и качества различных стран и народов, поэтому они являют собой авто- и гетеростереотипы в их концентрированном воплощении. Образы такого рода всегда используют обобщения и опираются на принципы этноцентризма, изоморфизма и метафоризации. Комплекс стереотипов и образов, определяющих представления о «своих» и «чужих» (свое, как правило, идеализируется, а чужое демонизируется), служит важнейшим элементом национальной идеологии и мифологии. Эти стереотипы и образы неотделимы друг от друга и в совокупности формируют поле культурных оппозиций, позволяющих создать устойчивый набор признаков, символов и ассоциаций, с помощью которых складывается национальная идентичность.

В конференции приняли непосредственное участие 12 ученых из России, Эстонии и Польши. Большинство докладов было посвящено визуальным репрезентациям, поэтому почти все выступления сопровождались показом многочисленных иллюстраций. Во вступительном докладе **М.В. Лескинен** (Институт славяноведения РАН) были рассмотрены истоки формирования зооморфных и антропоморфных метафор и аллегорий европейских государств и наций в различных вербальных и визуальных нарративах начиная с XVI–XVII вв. Это, во-первых, сочинения в восходящем к античности жанре «национальных характерологий», где, помимо стереотипных особенностей нрава, привычек, склонностей, традиций политического устройства, пороков и добродетелей европейских народов, указывались также узнаваемые внешние приметы, – в частности, народы отождествлялись с конкретными животными. Во-вторых, это формирующиеся в XVI–XVII вв. обобщенные феминные образы Дев-Государств (Британии, Германии, Полонии и др.), а также соотносившиеся с гербами зооморфные символы (британский лев, германский черный орел и др.). В-третьих, характерные маскулинные персонификации европейских народов XIX в. (например, немца Михеля или англичанина Джона Бул(л)я), которые, как было показано в докладе, восходят к довольно ранним (XVII–XVIII вв.) обобщенным сословным образам народов, хотя впоследствии, в период формирования наций, сословные характеристики и их внешние признаки видоизменяются.

Выступавшие обратились к рассмотрению длительной исторической эволюции таких зооморфных воплощений народов, как сокол, южнославянских и чешской культурах (**В.В. Котов**) и гриф / грифон – в процессе формирования кашубской этнокультурной идентичности (**А.В. Семенова**, Институт славяноведения РАН), а также к анализу трансформации феминного образа Руси-Матушки / Матушки-России в отечественном лингвистическом и художественном дискурсах XIX–XX вв.: эта тема рассматривалась в докладах **Е.Е. Левкиевской** (РГГУ) и **М.В. Лескинен**. Изменения в визуальных представлениях и стереотипизации этнических «своих» и «чужих» в журнальных карикатурах Словении на протяжении семи десятилетий (1869–1950 гг.) проанализировала **А.Н. Красовец** (Инсти-

тут славяноведения РАН). Другие участники сосредоточились на реконструкции тенденций визуализации в национальной имагологии и на материале плакатов, карикатур и рисунков конкретного периода. Так, изображения Медведя в качестве аллегии / символа России были рассмотрены **О.В. Рябовым** (СПбГУ) на примере сатирических российских журналов 1905 г. **Е.А. Яблоков** (Институт славяноведения РАН) проанализировал образы «своих» / союзников и «чужих» / врагов на страницах петроградского журнала «Сатирикон» в годы Первой мировой войны и революции (1914–1918), а **И. Ногавица** (Вроцлавский университет, Польша) обобщила основные тенденции визуализации украинца в сатирических рисунках российских интернет-публикаций последнего десятилетия. В докладе **А. Меймре** (Таллинский государственный университет, Эстония) образ России-медведя в качестве опасного и враждебного государства-соседа был реконструирован на материалах сатирической эстонской графики межвоенного периода (1918–1939); Медведь в качестве позитивного образа «чужого» представлен **Т.И. Чепелевской** (Институт славяноведения РАН) на примере «России-Медведии» в творчестве словенского писателя Я. Трдины.

В контексте истории формирования славянских национальных образов-автостереотипов были рассмотрены польская литературная традиция (белый орел Ягеллонов) – в докладе **Н.М. Филатовой** (Институт славяноведения РАН), посвященном польской патриотической поэзии конца XVIII – середины XIX в., и чешские национальные автопрезентации периода формирования нации (образы Пахаря и Музыки) – в докладе **Г.П. Мельникова** (Институт славяноведения РАН) о персонификациях чешской идентичности в искусстве Чехии второй половины XIX в. Выступление **Н.В. Злыдневой** (Институт славяноведения РАН) было посвящено зооморфной символике и зоотропной мотивике пара- и метагеральдических изображений в архитектурных памятниках XX в.

В тематическом отношении выступления участников можно разделить на две группы: доклады о национальных символах славян и доклады, посвященные репрезентациям и аллегориям России. Несомненным «лидером» среди ее зооморфных воплощений можно считать Медведя. Образ России-Медведя формируется в европейской культуре еще в раннем Новом времени и до сего дня остается главным негативным гетеростереотипом России. В общественном сознании западноевропейской элиты этот образ, как показал О.В. Рябов, воплощал черты враждебности, опасности, непредсказуемости, которыми наделялись Россия / Российская империя, а позже – РСФСР и СССР. Именно таким агрессивным, опасным и мощным потенциальным врагом независимой Эстонии и эстонцев предстает Советский Союз в карикатурах и сатирических изображениях, представленных в докладе А. Меймре. При этом автор подчеркнула, что для изображения России и русских использовались и другие зооморфные образы, впрочем, также наделяемые однозначно негативными коннотациями, например вши. Позитивные качества России-Медведя (как на примере произведений Я. Трдины показала Т.И. Чепелевская) возникают лишь спорадически, в определенных исторических обстоятельствах, например, в определенных кругах славянских интеллектуалов 1860–1880-х гг. «Россия-Медведь» наделялась положительными чертами как «братская» по крови или по конфессии страна.

Образ Медведя нередко соотносился с цивилизационной отсталостью, «дикостью» России. Лишь с начала XX в., как полагает О.В. Рябов, данный образ постепенно начал приниматься российским обществом в качестве символа-автостереотипа, а в наше время, согласно социологическим опросам, стал в российской

самоидентификации одной из наиболее распространенных аллегорий России. На материале политической сатирической графики 1905–1907 гг. О.В. Рябов показал, как образ Медведя начал включаться в аллегорический ряд олицетворений Отечества в пропагандистском дискурсе различных политических партий и течений, как лояльных, так и оппозиционных. Образ России-Медведя на этом этапе продемонстрировал семантическую двойственность: использовался как для легитимации, так и для делегитимизации имперской власти.

Десятилетие спустя, в период Первой мировой войны, в карикатурах журнала «Сатирикон» медведь (притом как бурый, так и белый) довольно часто олицетворял Россию, по сути, на равных с гротескным женским образом. Кроме того, в сатириконской графике, как показал Е.А. Яблоков, активно использовались все виды визуальных метафор: звериные (британский лев и русский медведь) и птичьи образы (германский и австрийский орлы), антропоморфные феминные (Германия, Франция, Россия, Британия, Болгария, Сербия и др.) и маскулинные (немец Михель, британец Джон Бул(л)ь). Интересны формы и способы воплощения визуальных стереотипов различных народов Российской империи, идентификация которых осуществлялась через национальные костюмы и характерные антропологические признаки. Докладчик представил типологию более ста карикатурных изображений, выявив ряд характерных для «Сатирикона» тенденций. Так, Германия имеет три типичных воплощения: «матушка», Михель и орел; Франция реализована в женских образах от фривольного до сакрального; Болгария представлена как женщина с «мужской» внешностью и т. п. Антропоморфные воплощения России имеют широкую амплитуду – от юной девушки до пожилой дамы, от простонародно-фольклорного до интеллигентного типа. При этом в революционный период образ России у сатириконцев обретает «страдательные» коннотации, она репрезентируется в морбидном виде, в карикатурах нередко мортальные сюжеты.

М.В. Лескинен представила эволюцию визуальных репрезентаций образа России-Матушки в российских изображениях второй половины XIX – начала XX в., сопоставив их динамику с процессом поиска и «выбора» русского этнического и национального идеального типа. Последний конструировался в вербальных нарративах различных жанров, а также в визуальных образах и метафорах русскости. Например, полемика 1880–1890-х гг. о том, какой региональный великорусский этнокультурный тип (центрально-великорусский, севернорусский или поволжский) следует считать наиболее адекватным воплощением антропологического и этнокультурного своеобразия русского типа / русской нации, нашла выражение в формах представления русскости «на экспорт», в частности, в концепциях оформления русских павильонов на Всемирных выставках или в моде на русский костюм. Если в обобщенных образах 1860–1870-х гг. Россия представала в девичьей ипостаси и в русском крестьянском костюме, то в визуальных репрезентациях 1890–1900-х гг. изображалась женщиной в боярских или царских одеждах Московской Руси XVII в. В периоды войн (начиная с русско-турецкой войны 1877–1878 гг.) актуализировался образ «древнерусской» воительницы с мечом и щитом, в шлеме и кольчуге. По мнению М.В. Лескинен, перемена образа была обусловлена формированием в 1880-е гг. новой концепции русского национально-политического наследия, провозглашавшей эпоху правления царя Алексея Михайловича воплощением истинной русскости, народности и монархии, вследствие чего формы XVII в. (одежда, предметы быта, формы архитектуры и т. п.) трактовались как отражение «характерной русскости». По той же причине в последней четверти

XIX в. визуальные стереотипы русскости соотносились не с этнографическими крестьянскими атрибутами, а с историческими реконструкциями или имитациями образов допетровской Московской Руси. Поэтому в 1890–1910-е гг. Россия-матушка «облачается» в одежды русской боярыни, боярышни или царицы XVII в.

Е.Е. Левкиевская, рассматривая совершившуюся в культуре советского времени трансформацию традиционного концепта «Матушки-Руси» и «Матушки-России» в формулу «Родины-Матери», обратилась к историко-семантическому анализу этих образов-понятий, исследовав их происхождение (начиная с XIX в.) и значение в различных дискурсах и нарративах. Вербальные «формулы» патриотизма, актуализировавшие сакрализованные в русской культуре образы Руси-земли-Матери и Богородицы, восходят, в частности, к прецедентным для русской культуры «Голубиной книге» (XV–XVI вв.) и приписываемой Иоанну Златоусту «Повести Святых Отец о пользе душевной всем православным христианам». Но понятие «Мать-Россия», по мнению Е.Е. Левкиевской, стало активно распространяться в текстах различных жанрах только начиная с первой четверти XIX в. В советский период сочетание «Россия-мать» практически ушло из официального дискурса и вместо него стало функционировать сочетание «Родина-мать». При этом образ Матери-России обрел воплощение не только в официальных визуальных персонализациях, но также в карикатурных и сатирических изображениях. Современная трактовка образа Родины-матери двойственна, очевидны негативные коннотации данного автостереотипа в визуальных и вербальных текстах культуры (от мемов и иронических клише до вульгаризации образа в качестве символа агрессии и советского политического режима), которые противопоставляются патриотическому официальному пафосу, заимствованному из советского прошлого,

Как попыталась показать в своем выступлении И. Ногавица, современная российская сатирическая графика и карикатура, в которой находят отражение образы Украины и украинца, также прибегает к давно опробованным и далеко не новым этнокультурным стереотипам украинца, притом как в авто- (в украинской), так и в гетеро- (в русской) культуре. Стереотипы могут быть нейтральными, негативными и позитивными, но так или иначе эксплуатируют всего несколько типичных и главным образом антропоморфных изображений: украинки-красавицы в национальной одежде (вышиванке), с характерной прической (косы и ленты) и казака – также с известными элементами костюма (шаровары) и историческими атрибутами внешнего облика (усы, чуб, трубка и др.).

Как было показано в других докладах, антропоморфные и зооморфные воплощения собственной нации и иных государств и держав в славянских культурах XIX в. подвергались трансформациям в соответствии с формированием национальных идеологий, освободительных движений и идентичностей народов, не обретших либо утративших национальную независимость. Так, в польской патриотической поэзии, о которой шла речь в докладе Н.М. Филатовой, с конца XVIII в. (в произведениях участников Барской конфедерации), а затем в 1810–1830-х гг. олицетворением государства и народа Польши стал образ белого Орла, восходящий к символу первой польской династии Пястов и к геральдическому знаку («Сарматскому Орлу») династии Ягеллонов, правившей Речью Посполитой на протяжении двух столетий. Он стал главной метафорой «польскости» и на разных этапах освободительного движения и во время восстаний (вплоть до XX в.) обретал статус общепринятого знака и символа непокоренной Польши, часто выступая в качестве прямого синонима наименований «Польское государ-

ство» или «Речь Посполитая». При этом образу белого Орла сопутствовали образы враждебных государств-поработителей, также соотносимые с их гербовыми птицами – черными орлами (Австрии и России). Позитивная геральдическая символика черного и белого цветов переосмысливалась в разных парадигмах (божественное / демоническое, рай / ад, свет / тьма, свобода / неволя, молодость / старость): польская патриотическая риторика, активно используя образ белого орла, расширяла смысловое поле статичного геральдического изображения, наделяя его своеобразными (как декларировалось – исключительно польскими) чертами. В стихах 1830–1831 гг. противостояние Польши и России представлялось схваткой двух орлов – сюжет, восходящий к античному. Интересно, что и «ответная» русская поэзия прибегала к противопоставлению орлиных символов (разумеется, в другой ценностной системе).

Если образ белого орла соотносился с поляками еще в летописных легендах о первом государстве лехитов со столицей в Гнезно, то в исторической традиции соседнего западнославянского народа – кашубов – образ геральдического грифа / грифона в качестве символа нации явился не только поздним, но и не самым адекватным конструктом. В докладе А.В. Семеновой был рассмотрен процесс этого конструирования. На территории проживания кашубов существовали разные политические образования; между Вислой и Балтийским побережьем грифон был геральдическим знаком славянских и некоторых германских князей, правивших на кашубских землях между XI и XVII в.; гриф черного или красного цвета на золотом или серебряном фоне стал символом Западного Поморья после Торуньского мира (1466). В XIX–XX вв. гриф как символ кашубского / кашубско-поморского региона прочно вошел в сознание носителей кашубской и поморской культуры, активно пропагандировался в литературе и публицистике в качестве олицетворения кашубской идентичности. Название «Гриф» в XIX–XX вв. наряду с соответствующей символикой использовалось для наименования общественно-политических организаций, изданий и объединений. А.В. Семенова подчеркнула, что разработка этого репрезентативного образа нации осуществлялась посредством соотнесения мифологических свойств и качеств гибрида льва и орла с чертами кашубского народа (такими, как упрямство, целеустремленность, смелость и др.). Можно предположить, что существовало явное противоречие между рыцарско-дворянскими родовыми доблестями, ассоциируемыми с любыми геральдическими животными (особенно мифологическим гибридом), и этосом крестьянского кашубского народа. И вряд ли есть основания утверждать, что сегодня гриф / грифон сохраняет качества национального символа кашубов.

В европейской геральдике и символике Орел и Сокол имеют сходные значения и часто взаимозаменяемы. Однако, как показал В.В. Котов, образ Сокола в чешском национально-спортивном движении сокольства, возникшего на рубеже 1861–1862 гг. в Праге и соединившего, по образцу немецких «Турнферайнов», национализм и гимнастику, имел иные истоки. Он заимствован из южнославянского фольклора, где богатыри, храбрые воины-юнаки, отстаивавшие независимость Отчизны в борьбе с иноверцами и иноземцами, именовались соколами. Публикация в середине XIX в. эпических текстов (в частности, песен и баллад, изданных В. Караджичем) привела к тому, что образ сокола-молодца – национального героя (черногорца, серба или хорвата) – вошел в патриотическую историческую беллетристику южных славян. В связи с событиями на Балканах воин-сокол-молодец в чешской патриотической среде 1870–1880-х гг. воспринимался в качестве образ-

цового борца за национальную свободу, пропагандирующего идеалы славянского освободительного народного движения. В то же время зооморфными воплощениями Чехии в политическом дискурсе XIX в. выступали голубь и лев. Образ голубя был связан с представлениями о миролюбии как главной черте чешского национального характера; лев (который, как и другие богемские символы, в этот период стал восприниматься в качестве национально-чешского) олицетворял иные свойства: мощь, державность, величие и т. п. Создание чешской молодежной патриотической организации под названием «Пражский Сокол» в определенной мере мотивировалось стремлением обосновать образ Сокола как альтернативный символ. По мнению В.В. Котова, образу сокола не удалось вытеснить льва и голубя в качестве олицетворений чешской нации. Но как символ сокольского, и, шире, военно-спортивного и патриотического движения, вышедшего в начале XX в. за границы Чехии (и ставшего особенно популярным с развитием авиации), сокол вполне успешно конкурировал со львом и голубем в качестве спортивно-военного знака и не единожды «претендовал» на роль общенационального чешского символа.

Как показал Г.П. Мельников, в чешском общественном сознании XIX в. формировались и другие, антропоморфные воплощения нации и духа чешского народа. Это прежде всего образы Пахаря и Музыка, возникшие в различных скульптурных, живописных и литературных произведениях периода чешского Национального возрождения как гендерные ипостаси чешской идентичности. Пахарь выступал олицетворением историко-этатизационного предания о легендарном Пршемысле-пахаре, основателе первой княжеско-королевской династии, правившей страной более шести столетий. Музыка – душевный строй народа Чехии, связующая его с небесами. Если образ Пршемысла восходит еще к средневековым обоснованиям «народной» династии, то образ Музыка явно соотнесен с женой Пршемысла – княжной Либуше, подчас метафорически заменяя ее. Такая замена, по мнению Г.П. Мельникова, неслучайна. Женское начало в чешском автостереотипе Национального возрождения связано не с государственностью, а с музыкой, которая в эпоху отсутствия у чехов государственности (с 1620 г.) стала главным воплощением «чешского гения», выразителем континуитета существования «бессмертного народа» в условиях жесткого австрийского гнета, как считалось в XIX в. Кроме того, именно музыка в XVII–XIX вв. была признана в Европе высшим достижением чешской культуры: Чехию именовали «консерваторией Европы», а Прагу – «королевой музыки». Это особенно важно потому, что в чешской культуре второй половины XIX в. не сложилось определенного феминного воплощения нации в образах Девы или Матери.

А.Н. Красовец реконструировала динамику комплекса антропоморфных и зооморфных образов в словенской карикатуре на протяжении 70 лет, проанализировала константные автостереотипные образы словенцев, которые начиная с середины XIX в. пропагандировались в словенской художественной литературе и публицистике. В этот период сформировались два главных стереотипа, воплощенных в маскулинных образах «немчура» (немецкого мещанина во фраке и цилиндре) и типичного словенца – Краньского Янеза (в национальной крестьянской одежде), призванных обозначить конфликтные межэтнические отношения между основными этносословными группами в словенском обществе (население, определяющее себя как немецкое, жило преимущественно в городах). Позже появилась еще одна персонификация Словении – в виде девушки или женщины-кре-

стьянки (также в национальной одежде); этот образ сохранялся вплоть до конца XX в. Чужие / другие (немцы, итальянцы, сербы, хорваты) в словенских карикатурах изображались также в виде диких животных, хищников; изредка в этом ряду присутствовал образ змеи.

В докладе Н.В. Злыдневой был представлен несколько иной ракурс темы. На материале государственной и национальной зооморфной символики рассмотрена проблема специфической художественной коммуникации в XX в. – вопрос о расширении семантики при сохранении традиционного культурного кода. Описаны две модели функционирования зооморфной национальной / государственной геральдики в XX в., реализующие различные механизмы (замещения как утверждения и нейтрализации как отрицания). Первая из них была представлена на примере маскаронов 1900–1930-х гг. в декоративных рельефах над порталами домов в Кракове; их авторы, по мнению Н.В. Злыдневой, наследовали геральдическую традицию, широко используя зооморфный код и реализуя функцию идентификации (национальной / родовой / профессиональной). Вторая модель явлена на примере государственных символов и геральдических знаков и символов в живописи и скульптуре московского соцарта 1980–1990-х гг., представители которого также (но в иных целях) использовали зооморфный код. В обоих случаях, по мнению докладчика, имеет место ироническое снижение образа в условиях пограничной культурной ситуации (пространственной – в Польше эпохи сецессии, временной – в России на рубеже возникновения постсоветского общества).

Доклады участников конференции демонстрируют устойчивость, гибкость и «живучесть» этнорепрезентаций, фиксируют некоторые особенности процесса их бытования в период складывания национальной идентичности. Это, в частности, использование известных в европейской культуре моделей метафорических изображений (например, образов Дев и обобщенного образа народа), а также сложившиеся «внешние» символы своей нации (например, Медведя или Музыки). Кроме того, эволюция подобных образов убедительно доказывает, что на определенном (начальном) этапе успешность «выбора» или создания комплекса репрезентаций зависит от совокупности различных факторов – обусловлена политической конъюнктурой, а также менталитетом интеллектуальных кругов, намеренно формирующих антропо- и зооморфные репрезентации. Дальнейшее исследование этих процессов в славянской культуре позволит более полно выявить механизмы складывания и бытования визуальных автостереотипов и клише.

Сведения об авторе:

Мария Войттовна Лескинен,
доктор ист. наук
доцент, ведущий научный сотрудник
Института славяноведения РАН

Maria V. Leskinen,
Doctor of History
the Leader Research Fellow
Institute for Slavic Studies RAS

marles70@mail.ru